

УДК 327.82

ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР ДЖ.У. БУША И РЕАЛИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

© 2011 г. **Н.Г. Теджетова***
МГИМО (У) МИД РФ

Политика Дж. Буша-мл. в отношении стран Латинской Америки имела ряд негативных для США последствий. В частности, односторонний политический диктат Буша привёл к укреплению левых сил в регионе, к образованию новых центров силы на континенте (Бразилия, Мексика) и к усилению антиамериканизма.

Ключевые слова: США, Латинская Америка, Дж. Буш-мл., экономические отношения, миграция, однополярный мир, левые режимы.

Уже вскоре после начала своего первого срока пребывания в Белом доме, администрация Буша-мл. пришла к выводу, что, достигнув непревзойдённой военной мощи и огромного политического и экономического влияния в мире, США могут наконец публично провозгласить имперскую по сути своей стратегию поведения на международной арене.

Однако основная проблема в классической формуле имперской стратегии, провозглашённой Бушем, состоит в том, что она лишает внешнюю политику полутонов, приводит к безальтернативному разделению всех действующих на международной арене субъектов на «своих» и «чужих». Данная тенденция окончательно возобладавала после терактов 11 сентября 2001 г.: любого, кто пытался представить возражения или уточнения к провозглашённому Белым домом курсу, рассматривали по меньшей мере как оппонента США, если не потенциального противника. Наконец, из Вашингтона неустанно давали понять, что такая политика позволительна лишь «единственной оставшейся сверхдержаве».

В Латинской Америке подобная внешнеполитическая линия создала предпосылки не только для консолидации открытых противников США. Для стран, обоснованно претендующих на самостоятельную роль как в мировых, так и в региональных делах, подобное категоричное противопоставление оказалось объективно неприемлемым. В результате, практически все государства Центральной и Южной Америки стали в более или менее явном виде выступать против унилатерализма США как в глобальном масштабе, так и в Западном полушарии, против присвоения и легитимизации ими функций мирового жандарма (шерифа) и мирового правительства. Предпосылками для качественных

* **ТЕДЖЕТОВА** Наталья Георгиевна – аспирантка МГИМО (У) МИД РФ.
E-mail: nmirza@yandex.ru

перемен в отношениях Латинской Америки и США стал ряд фундаментальных тенденций, проявившихся в последние 10–15 лет.

На протяжении всей второй половины XX столетия Соединённые Штаты фактически единолично доминировали в экономической жизни Центральной и Южной Америки. Однако если в прежние годы США рассматривали латиноамериканские страны лишь как объект своей экономической экспансии, нацеленной на эксплуатацию природных богатств, сельскохозяйственных ресурсов и рынков сбыта, то в последние 10–15 лет «на повестку дня поставлены принципиально новые задачи комплексного освоения экономического потенциала региона, использование его возможностей как для повышения конкурентоспособности североамериканского капитала на внутреннем рынке США, так и для укрепления его позиций на мировых рынках» [1].

Одновременно начал меняться подход и к оценке роли ведущих латиноамериканских стран в глобальных планах Вашингтона. Эти страны стали рассматриваться как субъекты мировой политики и потенциальные партнёры по реализации стратегического курса, рассчитанного на консолидацию политического и утверждение экономического доминирования США. Подобная эволюция была результатом как крупномасштабных операций транснациональных корпораций США, так и усилий, прилагавшихся на межгосударственном уровне.

Администрация Буша, ослеплённая положением единственной сверхдержавы, сделала явный упор на достижение односторонних преимуществ и выгод в экономических взаимоотношениях с Латинской Америкой. При этом, республиканская администрация (во всяком случае, в первое четырехлетие своего пребывания у власти) проигнорировала тот факт, что в последние годы в большинстве стран региона, в том числе в крупнейших – Бразилии и Аргентине, под ударами финансовых кризисов одно за другим пали правительства, проводившие жёсткую неолиберальную политику по рецепту МВФ и США. На смену им пришли левые политики, взявшие курс на экономический национализм [9, 19.04.2007], а также расширение географии своих экономических взаимосвязей (во многом, кстати, под влиянием той самой глобализации, «застрельщиком» и «мотором» которой изначально выступал Вашингтон).

К настоящему времени все страны Латинской Америки имеют многочисленные соглашения об экономическом сотрудничестве за пределами Западного полушария (со странами Европы, Азии и Африки). Эти соглашения заключены не только с отдельными государствами, но с интеграционными группировками, а также между ними. В частности, договор о свободной торговле с ЕС имеет не только Мексика, но и Чили. А МЕРКОСУР (Общий рынок южного конуса) ещё в декабре 1995 г. подписал с Европейским Сообществом рамочное соглашение с целью создания межрегиональной ассоциации.

Впечатляющий рывок в Западное полушарие совершили в последние годы Китай и Индия. Уже в середине первого десятилетия 2000-х годов ведущие российские дипломаты отмечали высокие темпы, которыми китайцы и индийцы наращивают своё влияние в Латинской Америке в том числе через своих сограждан, проживающих в каждой латиноамериканской стране. Причём выходцы из Китая и Индии «внедрились в различные сектора экономики, хорошо понимают политическую ситуацию» [2]. Китай, в частности, проводит ли-

нию на создание своего рода трансатлантического и трансконтинентального союза с Южноамериканским общим рынком.

Китайская экономика «буквально пожирает» энергоресурсы (Венесуэла) и продовольствие (Аргентина и Бразилия) региона во всё больших масштабах. Кроме нефти, Китай по основным показателям потребления уже опередил Соединённые Штаты.

Выступая в Национальном конгрессе Бразилии 11 ноября 2004 г., председатель КНР Ху Цзиньтао обещал вложить в Латинскую Америку 100 млрд. долл. в ближайшие десять лет [4]. Это может существенно повлиять на положение в регионе, внося, по-видимому, важные коррективы в его развитие, в частности в области физической интеграции, с перспективой формирования гигантских трансокеанских коридоров и в целом развернёт его в ближайшие десятилетия к АТР.

Другой важной геополитической и геоэкономической тенденцией последнего десятилетия является усиление всесторонней взаимозависимости между странами Латинской Америки. Новые вызовы, порождаемые глобализацией, подтолкнули стагнировавшую в 1980-е годы внутрирегиональную экономическую (и неизбежно в определённой мере и политическую) интеграцию. Интеграция здесь призвана компенсировать их индивидуальную слабость: узость внутренних рынков, ограниченные переговорные возможности. На рубеже веков стали появляться новые межгосударственные образования, новые союзы, «которые влияют на схемы, существовавшие несколько десятилетий» [2].

В первую очередь можно вести речь о своеобразной оси Каракас – Бразилия – Буэнос-Айрес. Эта тройка в последние годы не просто продемонстрировала политическую мускулатуру. Своего рода «холодным душем» для Вашингтона, отвыкшего от подобной риторики после распада биполярной системы, стал жёсткий тон, который позволили себе эти три страны на совещаниях в Майами и Буэнос-Айресе в 2003–2004 гг. По существу, она навязала решения, исключившие подписание соглашения о создании всеамериканской зоны свободной торговли (АЛКА) к 2005 г. [2]. Ожесточённые дебаты вокруг важнейшего, с точки зрения геоэкономических планов США, во всём Западном полушарии проекта АЛКА представляются одним из наиболее ярких и важных примеров растущей взаимозависимости и сплочённости стран Южной Америки. Первоначальные планы Вашингтона – создать мегаблок, превосходящий по масштабам и влиянию Евросоюз, а заодно способный восстановить единоличный контроль США над ресурсами и рынками всей Латинской Америки, – разбились о категорическое нежелание ведущих стран региона становиться источником дешёвой рабочей силы, подвизавшейся на «аутсорсинге» у американских корпораций*. Не достигнув намеченных целей, администрация Буша

* У всех латиноамериканцев «перед глазами» достаточно специфичный пример «Макиладорас» – вынесенных на территорию Мексики и ряда других стран Центральной Америки и Карибского бассейна сборочных предприятий крупных и средних американских компаний. Эти предприятия, как правило, практически никак не интегрированы в национальную экономику стран базирования и к тому же нередко лишают перспектив существования аналогичные производства местных компаний.

начала маневрировать, пытаясь внести разлад в ряды членов МЕРКОСУР и добиться от них согласия на реализацию АЛКА поодиночке. Однако наметившиеся подвижки на «обходном пути» сильно притормозил разразившийся к концу правления Буша глобальный финансово-экономический кризис.

Наконец, весной 2007 г. президент Венесуэлы Уго Чавес выступил с инициативой создания на территории Латинской Америки единой валюты – сукре. Чавес заявил, что введение единой валюты поможет освобождению от привязки к доллару и зависимости от США. Лидер Венесуэлы почти пророчески отметил, что отход от доллара не только даст региону финансовую самостоятельность, но и позволит снизить риск размещения валютных резервов в долларах, так как долларовый пузырь, по его мнению, может лопнуть в любой момент [9, 26.04.2007]

Разговоры о едином валютном пространстве становятся всё более популярны в Латинской Америке по мере прихода к власти левых правительств. В 2004 г., принимая программу создания на континенте Южноамериканского союза наций (УНАСУР), лидеры государств региона включили в неё и пункт о введении единой валюты. И хотя, по мнению большинства экспертов, создание зоны сукре вряд ли ожидает Латинскую Америку в ближайшие годы – прежде всего из-за необходимости достижения договорённостей по таким трудным вопросам, как нормы бюджетного дефицита, размер госдолга и налоговая политика, рост интереса к данной инициативе явился очередным «неприятным звоночком» для Вашингтона, долгосрочной стратегической целью которого, по видимому, является придание доллару США статуса единой валюты обоих американских континентов.

Не слишком преуспел Дж. Буш-мл. и в решении проблемы иммиграционных потоков (особенно нелегальных), ставшей одной из наиболее актуальных в повестке дня отношений США и Латинской Америки в последние десятилетия.

Особенно остро постоянные метания администрации Буша в вопросах регулирования иммиграции отразились на **Мексике**. Буквально в первые же дни после терактов 11 сентября 2001 г. администрация Буша резко изменила своё, прежде достаточно снисходительное отношение к иммиграционной проблематике в двусторонних отношениях. Был существенно ужесточён пограничный контроль, начались облавы и массовые высылки нелегальных иммигрантов – более 6 млн. «нелегалов» (преимущественно – мексиканцев) были депортированы из страны в период между 2001 и 2005 г. Столь жёсткие действия республиканской администрации не нашли понимания даже в Верховном суде США [20].

Наметился и рост ксенофобских настроений в американском обществе. В середине первого десятилетия 2000-х годов по этому поводу высказался даже патриарх американской академической политологии С. Хантингтон. В своей книге «Кто мы?» он написал об угрозе размывания цивилизационной идентичности Соединённых Штатов под наплывом иммигрантов из Мексики – носителей принципиально иной потребительской и предпринимательской культуры [8].

По мнению ряда экспертов, Вашингтон в годы правления Буша буквально разрывался между «благосклонностью и высокомерием» по отношению к запросам мексиканского правительства, ибо в этот период существенно осложнилось положение нескольких миллионов мексиканцев. В конечном счёте

крайне непоследовательная политика республиканской администрации вызвала всплеск разочарования и недовольства населения Мексики неспособностью президента В. Фокса и его Партии национального действия разрешить один из наиболее важных для страны социально-экономических вопросов [19]. Как следствие, в ходе всеобщих выборов в июле 2006 г. правящая партия президента В. Фокса едва не проиграла выборы в парламент, а его преемник на президентском посту Ф. Кальдерон сумел обойти своего «левого» конкурента менее чем на 1% голосов избирателей [13]. Таким образом, США «едва не потеряли» Мексику.

Тем не менее, через год – 26 сентября 2007 г. – новый президент Мексики получил ещё один «подарок» от администрации Буша: президент США подписал закон о возведении стены на американо-мексиканской границе, на что выделялось 1,2 млрд. долларов.

В целом, та лёгкость, с которой администрация Буша отбросила в сторону жизненно важные интересы своего ближайшего союзника в регионе*, придала дополнительный импульс наметившимся к тому времени во многих странах Латинской Америки сомнениям в целесообразности приоритетной ориентации на Соединённые Штаты.

Пример Мексики был особенно показателен ещё и тем, что буквально десятилетие назад присоединение к НАФТА характеризовалось не иначе как «исторический шанс» Мексики уйти на Север, в «золотой миллиард».

Однако в начале 2000-х годов многие эксперты стали говорить уже о том, что НАФТА обеспечила Мексике «рост без развития». По основным макроэкономическим показателям страна на тот момент действительно вошла в десятку самых больших экономик мира. Но надежды на решение острейших социальных проблем и повышение уровня жизни после вступления в НАФТА совершенно не оправдались. Скорее, ситуация даже ухудшилась по сравнению с той, что была ещё несколько десятилетий назад. По данным Всемирного банка, к середине первого десятилетия 2000-х годов почти 40% населения страны не могли удовлетворить свои основные жизненные потребности [21].

В условиях чрезвычайной зависимости мексиканской экономики от «северного соседа» [10], бескомпромиссное поощрение Бушем закрепления доминирования американского капитала и появления многообразных форм хозяйственных привязок Мексики к США стало одной из существенных причин стагнации экономики южного соседа Америки. Наблюдатели отмечали жёсткость позиции США в ходе обсуждения большинства вопросов двустороннего экономического сотрудничества. В начале 2009 г. Мексике даже пришлось (впервые за 15-летнее существование НАФТА) ввести санкции против США за нарушение правил, регламентированных уставом этой организации.

Помимо прочего, администрация Буша несёт частичную ответственность за разгул наркокартелей в Мексике: она не смогла адекватно отреагировать на юридические коллизии, приведшие к некоторому ослаблению ограничений на

* В конце концов, террористы, атаковавшие Нью-Йорк и Вашингтон, не имели никакого отношения к Латинской Америке вообще и к Мексике, в частности; однако от драконовских мер в сфере контроля за иммиграцией пострадали в первую очередь именно южноамериканцы.

продажу в США автоматического огнестрельного оружия, а также приняла недостаточные меры для борьбы с контрабандой оружия в Мексику [16]. В результате, мексиканские наркокартели смогли превратить свои вооружённые формирования в подобие мини-армий [11]. По данным генерального прокурора Мексики Э. Медина Мора, «за последние два года властями страны было изъято 52 тыс. единиц полуавтоматического оружия производства США, что в 5 раз превышает количество вооружений, полученных Революционными вооружёнными силами Колумбии (РВСК) за один только 2008 год» [12].

В настоящее время ситуация в Мексике во многом вышла из-под контроля местных властей, причём до такой степени, что центральное правительство было вынуждено ввести войска в ряд штатов, где наркобароны устроили настоящую войну за передел сфер влияния. В результате за 2008–2009 гг. в стране погибли порядка 17 тыс. человек [18]. Такого всплеска наркопреступности Мексика ещё не знала.

И хотя Мексика остаётся 11-й экономикой мира по размеру ВВП, перспективы её дальнейшего подъёма в качестве одной из ведущих держав Латинской Америки представляются всё более неопределёнными как ввиду внутренней дестабилизации, так и по причинам незавершённости структурных реформ в экономике (и всё это в условиях глобального экономического кризиса и экономической стагнации в Соединённых Штатах). Другое дело – **Бразилия** (9-я экономика мира) [15].

Отношения между США и Бразилией в последнее десятилетие складывались весьма непросто. Именно южноамериканский гигант своей искусной дипломатией практически сорвал реализацию суперпроекта АЛКА, сплотив вокруг себя не только членов МЕРКОСУР, но и фактически весь регион. На это, в частности, были направлены такие инициативы Бразилиа, как создание Южноамериканского союза наций (УНАСУР) и даже Совета обороны этой организации.

Нынешняя внешняя политика Бразилии основывается на двух осях союзов: со странами Юга – прежде всего Южной Америки, Южной Африки (ЮАР, Ангола, Мозамбик), с Индией и в перспективе с Китаем (при этом беспокойный союзник Уго Чавес обеспечивает связи с Ближним и Средним Востоком) и с Западной Европой. По мнению ряда российских экспертов, эта система союзов и совпадений «объективно направлена» против интересов США [2]. Бразилия также сумела существенно оживить сотрудничество в стратегическом треугольнике Бразилия – Индия – ЮАР, наполнив его не только экономическим, но и военно-политическим содержанием.

При этом «в американских правящих элитах отсутствовало единство в понимании того, какую позицию занять в отношении этой страны. Если для ястребов-республиканцев, к которым принадлежал и Дж. Буш, задача сводилась к тому, чтобы "окружить" Бразилию зонами свободной торговли с соседними странами, включая и двух членов МЕРКОСУР (Парагвай и Уругвай) и тем самым вообще "похоронить" это объединение, то целая группа демократов придерживалась прямо противоположной точки зрения» [7].

Попав под шквал критики по поводу «потери Латинской Америки» в ходе избирательной кампании 2006 г., администрация Буша после переизбрания на

новый срок – попыталась трансформировать свою политику в отношении региона в целом и Бразилии, в особенности. Возможно, памятуя об известном изречении Р. Никсона «Куда пойдёт Бразилия, туда пойдёт и вся Латинская Америка», республиканской администрацией были предприняты «заметные усилия» по сближению с правительством президента Лулы да Сильвы. На «партнёрских отношениях» делали акцент во время своих визитов в Бразилию в 2008 г. и Дж. Буш, и госсекретарь К. Райс.

По мнению многих наблюдателей, стратегическое партнёрство с Соединёнными Штатами открыло бы перед Бразилией широчайшие перспективы как в региональном, так и в международном масштабе. Ведь при всём том, что Бразилия – естественный лидер Латинской Америки, её экономический вес и международное положение ещё, пожалуй, недостаточны, чтобы считать её полновесным глобальным игроком.

С другой стороны, существует риск «задохнуться в объятиях» Соединённых Штатов, самым показательным примером чего, по мнению ряда региональных и международных наблюдателей, является описанное выше нынешнее весьма противоречивое положение Мексики.

Вынужденная сдерживать свою бесцеремонность в отношениях с крупнейшими государствами Латинской Америки, администрация Буша сполна «отыгрывалась» на странах поменьше. Особую тревогу латиноамериканцев вызывали действия Пентагона и спецслужб США по дестабилизации положения в Венесуэле, Боливии и на Кубе. Причиной такого поведения Вашингтона стало заметное «полевение» политики континента: на рубеже тысячелетий в шести странах (Венесуэле, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Чили – дважды, в Боливии) к власти конституционным путём приходили левые силы. (Следует отметить, впрочем, что степень и политические формы этого процесса в разных государствах существенно отличаются.)

По мнению ряда ведущих российских экспертов, главное здесь в том, что в эпоху глобализации характер традиционных проблем Латинской Америки изменился и они обрели чрезвычайную остроту. Идёт процесс интериоризации глобальных проблем. В этих условиях левый поворот отразил реакцию латиноамериканских обществ на неолиберализм, на его колоссальные издержки для общества, связанные прежде всего со свёртыванием социальных программ. А последнее не могло не означать дальнейшую пауперизацию масс, усиление процессов маргинализации, расширение масштабов социальной исключённости. Всё это не могло не способствовать новому подъёму традиционно сильных в Латинской Америке левых движений [3].

Напомним, что в молодые годы нынешние президенты Бразилии, Чили, Аргентины и Уругвая боролись против правых диктатур, пользовавшихся активной поддержкой Соединённых Штатов. Поэтому нелюбовь латиноамериканских левых к США имеет давнюю историю. Кроме того, имперские тенденции, слишком явно проявившиеся во внешней политике Вашингтона при Дж. Буше-мл., вызвали заметный рост антиамериканских настроений в общественном мнении Латинской Америки. Подавляющее большинство латиноамериканцев было по меньшей мере сильно раздражено претензиями США на место безусловного мирового лидера, считая, что та манера поведения, которую США используют

на международной арене в целях дальнейшего укрепления своих позиций в качестве единственной «супердержавы», явно выходит за какие бы то ни было рамки приличия и, более того, ведёт к дальнейшему ухудшению ситуации в мире в целом и в отдельных регионах земного шара в частности. В качестве ответной психологической реакции это вызвало вполне естественный, как представляется, рост критики в адрес США, критики, только усиливавшейся на фоне нарочитого нежелания Вашингтона изменить свой курс.

Однако «ястребы-неоконцы» Буша просчитались – и Уго Чавес в Венесуэле, и Эво Моралес в Боливии устояли; кубинцам также удалось купировать свои экономические и энергетические проблемы, а также отразить «атаки диссидентов». А провал американских усилий по смещению неудобных режимов только усугубил негативное отношение латиноамериканцев в отношении США и лично президента Буша.

Так, согласно опросу общественного мнения, проведённому организацией «Латинобарометр» в 2006 г., образ Дж. Буша был связан исключительно с негативными оценками [17]. Более того, оказалось, что второй срок его президентства ухудшил отношение жителей стран Латинской Америки к американцам [14].

Другой важнейшей причиной роста антиамериканизма латиноамериканцев стали уже рассмотренные выше острые противоречия Латинской Америки и США в сфере экономических отношений, провал реформ 1990-х годов на основе так называемого Вашингтонского консенсуса в духе неолиберализма с использованием рецептов знаменитых «чикагских мальчиков» и международных финансовых организаций, которые чаще всего ассоциируются именно с США (МВФ, ВБ и МБРР), и их реальный крах [6].

* * *

Правление Дж. Буша-мл. стало апогеем охватившей США после «победы в «холодной войне»» эйфории каждодневного самовозвеличивания, претензий на исчерпывающую осведомлённость, гордости и высокомерия, «самонадеянности силы», игнорирования мнения мирового сообщества и собственных граждан.

На американском «заднем дворе» (*backyard* – полуофициальное название региона на сленге американских дипломатов) в Латинской Америке, восемь лет имперской бесцеремонности и несклонности к компромиссам Дж. Буша существенно подорвали позиции США. Страны региона не только развивали тесные связи с Европой (в первую очередь с Испанией) и Китаем (например, контроль над Панамским каналом был передан китайцам), но и всячески старались наладить региональное сотрудничество – создали торговый блок МЕРКОСУР и Андскую торговую группу. Динамично развивавшаяся после ухода военных Бразилия стала постепенно рассматриваться как альтернативный США полюс влияния в Южной Америке и центр региональной интеграции. Практически все страны Латинской Америки проводили политику «обретения второй степени независимости», что так или иначе нашло отражение в их внешнеполитических концепциях [9, 22.03.2002].

На этом фоне США терпели не только экономические, но и геополитические неудачи.

Во-первых, Вашингтон так и не смог изолировать Кубу от других государств Американского континента. Более того, в Организации американских государств, объединяющей 34 страны, окрепло влияние сторонников реинтеграции Гаваны в структуру южноамериканских политических и экономических отношений.

Во-вторых, наиболее влиятельные государства континента – Бразилия, Аргентина, Венесуэла, Чили – управляются «независимо мыслящими» лидерами, в то время как к «югу от Рио-Гранде» происходит болезненная переоценка неолиберальных ценностей, навязанных странам Латинской Америки в 90-е годы, по мнению критиков, в интересах США и узкой прослойки местных элит [1].

В-третьих, администрации Буша так и не удалось сколотить коалицию против президента Венесуэлы Уго Чавеса, правительство которого приостановило военное сотрудничество с американцами и приступило к закупкам оружия в России и Испании. При этом США импортируют из Венесуэлы около 15% потребляемой ими нефти, т.е. чуть меньше, чем из Саудовской Аравии.

В-четвёртых, все большее число стран Американского континента заявляют о расширении сотрудничества с Китаем, Россией, Индией, ЕС и даже Ираном.

Смена администрации в Белом доме – приход к власти президента Обамы породил определённые надежды на улучшение отношений США и Латинской Америки. Вместе с тем, изначально демократическая администрация не имела в своём распоряжении сколько-нибудь чёткой программы действий в регионе. По прошествии почти двух лет по-прежнему складывается впечатление, что в целом администрация Обамы действует на латиноамериканском направлении скорее реактивно. Пока речь в большей степени идёт о смягчении риторики, в частности о более примирительном тоне в отношении левых и леворадикальных правительств.

Осенью 2010 г. – в преддверии промежуточных выборов в Конгресс, администрация Обамы разрывалась между рядом острейших внешне- и внутривнутриполитических вызовов, далёких (за исключением проблем нелегальной иммиграции и борьбы с наркобаронами в Мексике) от региона Латинской Америки. Сомнительно, что в условиях весьма ограниченных политических, экономических и военных ресурсов Белый дом будет способен в ближайшее время предложить обещанный поначалу Бараком Обамой «новый уровень» отношений с Латинской Америкой.

Список литературы

1. *Володин А.* Временное отступление или закат американской империи // Аналитические записки. 1999. Т. 14.
2. Восходящие страны-гиганты на мировой сцене XXI века // Латинская Америка. 2005. № 5–7.
3. *Давыдов В.М., Красильщиков В.А., Майданик К.Л., Окунева Л.С., Ворожейкина Т.Е.* Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 1.

4. *Дружинин С.* Китай инвестирует более \$100 млрд. в Латинскую Америку // ChinaPRO. 14.10.2008 (<http://www.chinapro.ru/rubrics/12/356/print>).
5. *Клочковский Л.Л.* Экономический гегемонизм США и Латинская Америка // Латинская Америка. 2005. № 11 (<http://www.ilaran.ru/?n=264>).
6. *Кузнецов Д.В.* Латиноамериканцы и США: взгляд сквозь призму опросов общественного мнения // Латинская Америка. 2008. № 5.
7. *Сударев В.П.* США после выборов: перспективы нового латиноамериканского курса // Латинская Америка. 2009. № 7.
8. *Хантингтон С.* Кто мы. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 636 с.
9. Эксперт – онлайн (<http://www.expert.ru/>).
10. CIA Factbook. 2009
(<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/mx.html>).
11. *Cox W.* Money, Guns and Drugs: Are U.S. Inputs Fueling Violence on the U.S.-Mexico Border? 12.03.2009
(<http://www.nraila.org/media/PDFs/ushou2sehearings/031209/TestimonyChrisCox.pdf>).
12. El Nuevo Herald. Miami. 06.04.2009.
13. <http://www.ife.org.mx/documentos/Estadisticas2006/presidente/nac.html>
14. Global Views on Bush's Reelection // BBC World Service Poll
(http://www.pipa.org/-OnlineReports/BBCworldpoll/Analysis01_19_05.pdf).
15. International Monetary Fund World Economic Outlook Database. 2009.
16. Mexico Violence Prompts New Look at US Gun Laws // The Seattle Times. 12.03.2009
(http://seattletimes.nwsources.com/html/politics/2008847652_apborderviolenceguns.html?syndication=rss).
17. Latinobarometro Poll (<http://www.worldpublicopinion.org/>). 10.1.2007.
18. Oficial: más de 22 mil 700 muertos por violencia // El Universal. 13.04.2010
(<http://www.eluniversal.com.mx/notas/672485.html>).
19. *Raat D.W., Brescia M.* Mexico and the United States: Ambivalent Vistas, 4th Edition. University of Georgia Press. Fall 2009. 320 p.
20. Supreme Court Rejects President Bush's Strict Immigration Policy // NY Daily News. 16.06.2008
(http://www.nydailynews.com/news/national/2008/06/16/2008-06-16_supreme_court_rejects_president_bushs_st.html).
21. World Bank: Income Generation and Social Protection for the Poor: Executive Summary. 2005
(http://siteresources.worldbank.org/INTMEXICO/Resources/Executive_Summary.pdf).